

Виды наивного объяснения поведения

Объяснением того или иного вида поведения занимаются не только психологи. К этому всегда готов и любой обычный человек. При этом причины поведения, как правило, усматриваются либо в индивидуальных особенностях человека, либо в особенностях ситуации, либо во взаимодействии личности и ситуации. Соответственно мы можем говорить об объяснении поведения с первой, второй или третьей точки зрения (ср.: Neckhausen, 1980; русский перевод: Хекхаузен, 1986). Это, однако, не означает, что всякое объяснение поведения проходит все эти три стадии, скорее, порядок перечисления этих способов объяснения отражает частоту того или иного определения причин поведения. С точки зрения современной психологии каждый из этих способов объяснения является «наивным»; иначе говоря, хотя эти способы и полезны, они чересчур упрощены (ср., напр.: Mischel, 1984).

То, как мы объясняем поведение, в определенной степени зависит от того, из каких параметров сравнения мы исходим, или же от того, какие параметры сравнения нам навязываются. Сравнение может производиться в трех измерениях (ср.: Kelley, 1967): мы можем проследить, как изменится поведение, сопоставляя, во-первых, поведение людей в разных ситуациях, во-вторых, в разные моменты времени и, в-третьих, поведение различных индивидов.

Например, если определенное поведение мало изменяется при перемене ситуации или сдвиге во времени и существенно отличается от поведения других людей в тех же ситуациях и в те же моменты времени, то очевидно, что основная причина наблюдаемого поведения коренится в индивидуальных особенностях данного человека. Это объяснение поведения с первой точки зрения, лежащее в основе теорий свойств традиционной психологии личности.

Если же нам кажется, что поведение существенно меняется при переходе к другой ситуации — и при этом является разным в разные моменты времени — то мы ищем причины поведения в особенностях ситуации. Это объяснение поведения со второй точки зрения, которое и сегодня господствует в теоретической и исследовательской областях социальной психологии, а также в основывающейся на теории обучения клинической психологии.

И наконец, если в результате более глубокого анализа мы приходим к выводу о том, что различия в действиях нельзя свести ни к одним только различиям личностных факторов, ни к одним лишь различиям факторов ситуации, но что обе группы факторов играют важную роль — причем на протяжении различных моментов времени, — то мы имеем дело с объяснением поведения с третьей точки зрения. Такого рода объяснения типичны для психологии мотивации, а также для когнитивной психологии (например, при изучении механизмов решения задач) и современных исследований личности (ср.: Amelang, Bartussek, 1981).

При этом речь ни в коем случае не должна идти о «взаимодействии» лишь как суммировании влияний. В качестве примера такого аддитивного взаимодействия можно привести следующую ситуацию: агрессивный человек реагирует на ситуацию, в небольшой мере побуждающую к агрессии, столь же мощной агрессией, как человек с низкой агрессивностью реагирует только на ситуацию, очень сильно побуждающую к агрессивному ответу. Иными словами, факторы индивида и факторы ситуации здесь дополняют и компенсируют друг друга с точки зрения поведенческих эффектов, которые они вызывают. Однако взаимодействие этих факторов может и не быть аддитивным и состоять в том, что одна и та же ситуация побуждает разных людей к различным и даже противоположным действиям. Например, назначение вознаграждения может побудить человека со слабым мотивом достижения увеличить усилия для достижения цели, тогда как человеку с сильным мотивом достижения оно может испортить удовольствие от самого процесса достижения цели.

Возникает вопрос о том, что важнее — факторы индивида или факторы ситуации. Однако это совершенно праздный вопрос, причем, по меньшей мере, в силу четырех различных причин. Во-первых, мы не можем естественным образом отделить одно от другого: влияние индивида вне ситуации столь же трудно вообразимо, как и влияние ситуации без индивида. Этот тезис можно сформулировать иначе: индивид всегда предполагает ситуацию, а ситуация всегда предполагает индивида (Bowers, 1973). Ведь когда мы в повседневной жизни характеризуем людей, мы всегда классифицируем их согласно тому, располагают ли они возможностями поведения, которые будут адекватны определенным ситуациям или же неадекватны им (Cantor, Mischel, Schwartz, 1982).

Во-вторых, ответ на вопрос о том, обусловлено ли поведение в большей степени различиями индивидов или ситуаций, в значительной мере определяется тем, какие выборки индивидов и ситуаций мы сопоставляем. Поскольку вряд ли возможно определить сопоставимые базовые совокупности того и другого, то весьма трудно оценить, имеем ли мы дело с репрезентативными и сопоставимыми выборками или нет. Например, если набранная группа индивидов является очень

разнородной (по возрасту, психическому здоровью и т. д.), а набор ситуаций, напротив, достаточно однородным (например все ситуации содержательно связаны с тематикой достижения), то, естественно, различия в поведении будут согласовываться скорее с личностными переменными, чем с переменными ситуаций. Если же, напротив, набор ситуаций более разнороден, чем выборка людей, то более значимыми будут представляться именно ситуативные переменные (Olweus, 1976).

В-третьих, на поведение оказывает влияние не «ситуация» в некоем объективном или интерсубъективном (т. е. заданном общим пониманием) смысле, а ситуация, рассматриваемая с точки зрения ее индивидуального (субъективного, «идиосинкразического») смыслового содержания. Поэтому ситуация всегда уже воспринята, т. е. является результатом ее понимания индивидом, и тем самым уже обусловлена личностными переменными.

Наконец, в-четвертых, степень видимой зависимости действия от особенностей индивида или ситуации определяется тем, из какой перспективы мы наблюдаем данное действие. С точки зрения действующего субъекта его поведение главным образом определяется особенностями воспринимаемой им ситуации (Jones, Nisbett, 1971). Напротив, с точки зрения внешнего наблюдателя мы будем склонны связывать наблюдаемое поведение с особенностями действующего человека. Это различие можно свести к противоположности воспринимаемых фигуры и фона. При наблюдении со стороны особенности ситуации составляют фон, на котором в качестве фигуры выделяется действие наблюдаемого человека. При самонаблюдении же особенности ситуации оказываются фигурой, воспринимаемой на фоне собственного поведения.

Таким образом, мы получаем поразительное подтверждение того, что решающим при восприятии и переработке информации является именно эта противоположность в выделении фигуры и фона, а не противопоставление своего и чужого поведения (Storms, 1973). При просмотре видеозаписи субъект действия воспринимал в первую очередь свое собственное поведение, а наблюдатели — ситуацию (с точки зрения действующего субъекта). Такое изменение перспективы наблюдения привело к различиям в объяснении причин поведения. Действующие субъекты объясняли свое поведение своими собственными диспозициями в гораздо большей степени, чем это делали внешние наблюдатели.

Объяснение неосуществленных действий

При рассмотрении действия с четвертой точки зрения дается объяснение не тому, почему производится определенное действие, а тому, почему оно не производится: из-за недостаточных возможностей для его осуществления или вследствие ограниченности ситуационных, точнее, экологических характеристик жизненного окружения. Именно длительный дефицит возможностей ограничивает развитие соответствующих личностных диспозиций и тем самым возможностей поведения, однако это ограничение не является неизбежным. Дефицит возможностей в принципе преодолим, поскольку конкретные жизненные обстоятельства могут быть изменены, обогащены, улучшены экономическим, техническим, культурным, социальным и политическим путем.

Вопросами такого рода занимается в последнее время психология среды (см.: Ittelson, Proshansky, Rivlin, Winkel, 1974; Kaminski, 1976). Задолго до этого Баркер (Barker, 1960) ввел понятие «поведенческое поле» (*behavioral setting*), которое сопоставимо с рассмотренными выше экологическими характеристиками, предоставляющими возможности для осуществления действия. Поведенческое поле, по Баркеру, не зависит от индивида, а его своеобразие ограничивает поведение формами, соответствующими данному месту и времени. Примерами поведенческого поля могут служить спортплощадка, ресторан, школа.

В этом смысле содержащиеся и не содержащиеся в поведенческом поле возможности и шансы обозначаются как социокультурные возможности реализации деятельности (*opportunity structure*). Очень важно учитывать возможности реализации, чтобы объяснить различия в поведении, которые бросаются в глаза прежде всего у описанных групп людей. Таким образом, имеющиеся внутри популяции различия в способах осуществления деятельности могут быть институционализированы и тем самым в известной мере стабилизированы. Последствия этой стабилизации прослеживаются в особенностях поведения мужчин и женщин, людей, принадлежащих к тем или иным субкультурам, к разным историческим эпохам. Не учитывая социокультурные возможности осуществления деятельности, мы рискуем скоропалительно, т. е. с первого взгляда, вывести наблюдаемые различия в поведении из личностных диспозиций в смысле врожденных особенностей. Это относится и к изучению межкультурных различий в поведении, которые часто объясняют различиями «национального характера».

До сих пор мы обсуждали основные типы наивного объяснения поведения и некоторые условия, которые их определяют. При этом мы указывали и на то, что наивный характер разложения причин

поведения на полюса «личности» и «ситуации» не мешает целым психологическим дисциплинам — таким, как психология личности, психология обучения или социальная психология — без возражений принимать такого рода одностороннюю локализацию причин поведения. На протяжении истории психологических исследований такое понимание причин поведения дважды ставилось под вопрос и становилось предметом обсуждения и анализа в так называемых «дебатах об интеракционизме». Эти дебаты проходили в рамках психологии личности; основное внимание уделялось вопросу о том, действительно ли личностные особенности позволяют объяснить последовательное поведение в одинаковых или похожих ситуациях и при повторяющихся возможностях. Допущение о последовательности поведения, обеспечиваемого устойчивыми личностными диспозициями, впервые было подвергнуто сомнению в конце 20-х гг. (Hartshorne, May, 1928,1929), а второй раз — в конце 60-х гг. (Mischel, 1968). При этом был выявлен один парадокс, к рассмотрению которого мы сейчас и обратимся.

Парадокс последовательности

Интуитивный наблюдатель человеческого поведения убежден в том, что и он сам, и другие люди ведут себя достаточно последовательно, т. е. их поведение в широком спектре ситуаций характерным образом отличается от поведения других людей. Это же убеждение разделяли и представители психологии личности и дифференциальной психологии. Поэтому у них создалось мнение, что необходимо лишь измерить индивидуальные особенности, и мы сможем предсказывать индивидуальные различия поведения в разнообразных будущих ситуациях. Однако, как только была сделана попытка проверить это убеждение эмпирически, сразу же обнаружилась поразительно низкая последовательность поведения. Этот неоднократно обсуждавшийся факт Бем и Аллен (Bern, Allen, 1974) назвали «парадоксом последовательности».

Хартшорн и Мэй (Hartshorne, May, 1928,1929) ставили сотни детей в ситуации, дававшие возможность смощенничать, обмануть или украсть. Например, они могли списать правильный ответ в классной работе или же тайком продолжить выполнение задания. Коэффициенты корреляции поведения в разных ситуациях оказались невелики (между 0,20 и 0,40). Тот, кто совершал одно действие, редко совершал и другое. Тот, кто жульничал в одной ситуации, честно действовал в другой. При внимательном рассмотрении ситуации этот факт не должен нас удивлять. Ведь мы имеем дело с тем, как конкретный человек воспринимает данную ситуацию, а вовсе не с тем, как различные ситуации, с точки зрения наблюдателя или психолога, объединяются в группы и выступают в качестве разных вариантов одного и того же класса, например класса экспериментальных ситуаций, допускающих жульническое или бесчестное поведение.

Чтобы при таком рассмотрении ситуации не оказаться в «номотетической ловушке» (Bern, Allen, 1974), необходимо прежде всего для каждого индивидуума

установить важнейшие классы ситуаций, представляющихся ему одинаковыми, и соответствующих им действий, а потом уже судить о последовательности поведения. Иными словами, ожидать последовательности поведения индивида можно лишь внутри свойственных ему «классов эквивалентности» ситуаций и действий (ср.: Bern, Allen, 1974). Эквивалентным же является в конечном счете то, что является для данного человека «эквивифинальным» (Brunswick, 1952, 1956), т. е. приводящим, пусть даже и в разных ситуациях или на разных этапах действия, к одним и тем же последствиям. Например, школьник может использовать возможность обмануть лишь на одном из двух уроков, поскольку лишь на этом уроке его обман позволит существенно улучшить оценку. А другой школьник может использовать только возможность незаметно продолжить работу, но не возможность списать, ибо последнее действие представляется ему позорным.

Кроме того, Хартшорн и Мэй обнаружили, что последовательность поведения определяется более широким контекстом, в который встроена возможность обмана. Тот, кто жульничает на уроке, не обязательно будет делать это на спортивной площадке или на занятиях по катехизису в церкви. Уже эти несколько примеров дают нам возможность увидеть, во-первых, что классы эквивалентности действий и ситуаций определяются индивидуально, во-вторых, что они соотносятся друг с другом, и, наконец, в-третьих, что они создаются и поддерживаются ожиданиями, связанными с надеждой достичь желаемой цели (или ценности) или избежать нежелательной ситуации. Таким образом, в конечном счете решающими для образования классов эквивалентности, а значит, и для последовательности поведения, являются последствия, к которым может привести действие человека в той или иной ситуации. Когда в 1937 г. Оллпорт отстаивал теорию свойств, противопоставляя ее ситуационистскому способу объяснения Хартшорна и Мэя, он отмечал, что низкие коэффициенты последовательности указывают лишь на то, что «дети не ведут себя последовательно одним и тем же способом, но не на то, что они непоследовательны по отношению к самим себе» (Allport, 1937, S.

250).

В последующие годы исследователи различными способами пытались подтвердить правильность этой точки зрения. Первую попытку предприняли Бем и Аллен (Bern, Allen, 1974), предложившие своим испытуемым самостоятельно установить ширину класса эквивалентности. Испытуемые должны были вынести суждение о том, вели бы они себя в различных ситуациях скорее последовательно с точки зрения «дружелюбия» и «добросовестности» или же скорее изменчиво. Как и ожидалось, коэффициенты последовательности были выше, когда люди считали себя более последовательными с точки зрения рассматриваемого поведения. Впрочем, эта процедура существенно отличалась от той процедуры, которую мы признали необходимой для определения класса эквивалентности. В частности, оставался открытым вопрос о том, являются ли «дружелюбие» и «добросовестность» самооценными в каждом конкретном случае (т. е. «мотивом»), или же они являются просто инструментальными способами поведения, которые используются для достижения множества различных целей. Следует отметить, что попытки подтвердить результаты исследований Бема и Аллена успеха не принесли (см., напр.: Chaplin, Goldberg, 1985; Mischel, Peake, 1982).

Следующий шаг попытались сделать Мишель и Пик (Mischel, Peake, 1982). Группу студентов попросили оценить себя по параметрам добросовестности и дружелюбия, а в дополнение к этому были получены оценки этих студентов по тем же параметрам со стороны родителей и близких друзей. Для одной только добросовестности было выделено 19 различных поведенческих индикаторов, например регулярное участие в учебных мероприятиях, своевременное выполнение заданий и аккуратность внешнего вида; для повышения надежности этих индикаторов все они определялись несколько раз. Каждый участник эксперимента не только мог указать, считает ли он свое поведение с точки зрения обеих изучаемых черт характера последовательным или изменчивым (как это было в исследовании Бема и Аллена); он мог еще и сам определить, какие из применявшихся индикаторов поведения он считает адекватными, т. е. «прототипическими», для себя. Таким образом, каждый участник эксперимента сам для себя определял классы эквивалентности способов поведения. Как и следовало ожидать, у тех студентов, которые оценили свое поведение как последовательное, самооценки и внешние оценки совпадали в большей степени, чем у тех, кто считал свое поведение изменчивым. Однако удивительным оказался тот факт, что наблюдаемое поведение «последовательных» студентов оказалось в разных ситуациях ничуть не более последовательным, чем у «изменчивых» студентов, причем независимо от того, оценивались ли соответствующие поведенческие индикаторы в качестве «прототипических» или «непрототипических».

Таким образом, парадокс последовательности проявился снова, несмотря на то что был сделан первый шаг к построению индивидуальных классов эквивалентности. Однако Мишель и Пик обнаружили интересное соответствие между приписываемой себе последовательностью и фактическим (наблюдаемым) поведением в ином аспекте; в этом случае в качестве показателя последовательности рассматривалось не соответствие между альтернативными формами проявления одного и того же свойства в различных ситуациях, а повторяемость одних и тех же форм проявления при повторении ситуаций одного и того же типа; иными словами, объективный показатель последовательности заключался во временной стабильности одних и тех же форм поведения. Устойчивость во времени у «последовательных» студентов была более тесно связана с их оценками своей последовательности, чем у «изменчивых» студентов; наиболее же тесной эта связь оказывалась тогда, когда в группе последовательных принимались во внимание лишь прототипические для данного индивида способы поведения (классы эквивалентности). В группе испытуемых, высоко оценивших последовательность своего поведения в разных ситуациях, устойчивость во времени прототипических способов поведения оказалась значительно более выраженной, чем в группе, члены которой низко оценили последовательность своего поведения.

Здесь мы сталкиваемся с первым указанием на то, каким образом можно было бы разрешить парадокс последовательности. Интуитивное убеждение в том, что наше поведение является последовательным, очевидно, опирается не столько на наблюдение, что человек во множестве различных ситуаций осуществляет поведение, относимое к одному и тому же классу, сколько на тот факт, что одно и то же поведение, прототипическое для данного человека, можно наблюдать снова и снова. Мы обобщаем это многократно наблюдаемое прототипическое поведение, связывая его с общим обозначением того или иного свойства. Например, если об од-

ном студенте нам известно лишь то, что он всегда выполняет задания, то мы считаем его столь же «добросовестным», как и того студента, единственной примечательной чертой которого является постоянный порядок у него в комнате. С точки зрения всех прочих показателей нам могло не встретиться ничего, что мы отнесли бы к «добросовестности», поскольку нам не встретилось ничего

противоположного, что заставило бы нас усомниться в наличии у студентов этой черты.